

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: Restricted*
14 September 2010
Russian
Original: French

Комитет по правам человека

Девяносто девятая сессия

12–30 июля 2010 года

Соображения

Сообщение № 1640/2007

<i>Представлено:</i>	г-ном Абдельхакимом Оунисом аль-Абани (эль-Уэрфели) (представлен организацией "Алькарама в защиту прав человека")
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	Оунис Шареф эль-Абани (эль-Уэрфели) (отец автора), автор и мать автора, а также семь братьев и сестер
<i>Государство-участник:</i>	Ливийская Арабская Дхамахирия
<i>Дата сообщения:</i>	15 октября 2007 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика в соответствии с правилом 97, препровожденное государству-участнику 5 декабря 2007 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	26 июля 2010 года
<i>Тема сообщения:</i>	незаконный арест, содержание в одиночном заключении без связи с внешним миром, пытки и жестокое обращение, несанкционированный арест, право на справедливый суд, насильственное исчезновение
<i>Процедурные вопросы:</i>	отказ государства от сотрудничества

* Публикуется по решению Комитета по правам человека.

<i>Вопросы существа:</i>	право на жизнь; запрет пыток и жестокого и бесчеловечного обращения; право на свободу и личную неприкосновенность; произвольный арест и задержание; уважение врожденного достоинства, присущего человеческой личности; право на справедливый суд; признание правосубъектности
<i>Статьи Пакта:</i>	пункт 3 статьи 2; пункт 1 статьи 6; 7; пункты 1–4 статьи 9; пункт 1 статьи 10; пункты 1 и 3 а)–d) статьи 14; и статья 16
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	пункт 2 b) статьи 5

26 июля 2010 года Комитет по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола принял содержащийся в приложении текст Соображений Комитета по сообщению № 1640/2007.

[Приложение]

Приложение

Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (девяносто девятая сессия)

относительно

Сообщения № 1640/2007**

<i>Представлено:</i>	Абдельхакимом Оунисом эль-Абани (эль-Уэрфели) (представлен организацией "Алькарама в защиту прав человека")
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Оунис Шареф эль-Абани (эль-Уэрфели) (отец автора), автор и мать автора, а также семь братьев и сестер
<i>Государство-участник:</i>	Ливийская Арабская Джамахерия
<i>Дата сообщения:</i>	15 октября 2007 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, созданный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 26 июля 2010 года,

завершив рассмотрение сообщения № 1640/2007, представленного Комитету по правам человека г-ном Абдельхакимом Оунисом эль-Абани (эль-Уэрфели) в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения,

принимает следующие:

** В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафулланчандра Натварлал Бхагвати, г-н Лазари Бузид, г-н Махджуб эль-Хаиба, г-н Ахмед Амин Фатхалла, г-н Юдзи Ивасава, г-жа Хелен Келлер, г-жа Зонке Занеле Майодина, г-жа Юлия Моток, г-н Майкл О'Флаэрти, г-н Хосе Луис Перес Санчес-Серро, г-н Рафаэль Ривас Посада, г-н Фабиан Омар Сальвиоли и г-н Кристер Телин.
К настоящим соображениям прилагаются тексты особых мнений, подписанные членами Комитета г-ном Абдельфаттахом Амором и г-ном Фабианом Омаром Сальвиоли.

Сообщения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения от 15 октября 2007 года является Абдельхаким Оунис эль-Абани (эль-Уерфели), гражданин Ливии 1977 года рождения, проживающий в Бенгази, Ливийская Арабская Джамахерия. Он выступает от имени своего отца Оуниса Шарефа эль-Абани (эль-Уерфели), от себя лично, а также от имени своей матери и своих братьев и сестер, имена и фамилии которых он предпочел не раскрывать. Автор утверждает, что его отец стал жертвой нарушений Ливийской Арабской Джамахирией пункта 3 статьи 2; пункта 1 статьи 6; статьи 7; пунктов 1–4 статьи 9; пункта 1 статьи 10; пунктов 1 и 3 b) и 3 c) статьи 14; и статьи 16 Пакта. Он также утверждает, что его мать, братья и сестры, а также он сам являются жертвами нарушения статьи 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Его представляет организация "Алькарама в защиту прав человека". Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Ливийской Арабской Джамахирии 15 августа 1970 года и 16 августа 1989 года соответственно.

Факты в изложении автора

2.1 Автор, Абдельхаким Оунис эль-Абани, являющийся сыном жертвы, т.е. Оуниса Шарефа эль-Абани, судьи суда первой инстанции в Бенгази. Оунис Шареф эль-Абани, 1948 года рождения, несколько лет занимал должности судьи в суде первой инстанции в Бенгази и за это время получил от Министерства юстиции несколько предупреждений, за которыми последовали угрозы увольнения за невыполнение указаний вышестоящих должностных лиц при вынесении судебных решений. 19 апреля 1990 года вместе с двумя другими судебными работниками он был вызван по дисциплинарным мотивам министром юстиции в Министерство юстиции в Триполи и был принят министром в его кабинете. Объявив ему взыскание за его отношение к своим обязанностям, министр объявил, что он арестован. Сотрудники внутренней службы безопасности взяли его под арест, не имея на это ордера и не проинформировав его о юридических основаниях ареста. После этого Оуниса Шарефа эль-Абани в течение трех месяцев держали в изоляции без связи с внешним миром и подвергали исключительно жестоким пыткам, после чего перевезли в тюрьму "Абу Салим" (Триполи).

2.2 Все попытки его семьи выяснить, что с ним случилось и где он содержится под арестом, оказались безуспешными; лишь в июне 1996 года его жена узнала, что он находится в тюрьме "Абу Салим", хотя и не добилась официального подтверждения этого факта. В ответ на ее обращение с просьбой разрешить ей посетить мужа в тюрьме, администрация опровергла факт его нахождения в этой тюрьме. В течение первых шести лет заключения г-н эль-Абани содержался в полной изоляции в особом секторе тюрьмы и мог общаться только с сотрудниками тюрьмы. Он был переведен в общую камеру всего за несколько дней до событий 28 и 29 июня 1996 года, когда в этой тюрьме службой внутренней безопасности якобы было убито несколько сот заключенных. Он, однако, уцелел, и его вновь содержали в полной изоляции в отдельной камере в течение еще нескольких лет без связи с внешним миром или другими заключенными, без возможности посещения его членами семьи или контакта с адвокатом.

2.3 19 апреля 2001 года, через 11 лет после его ареста, военный генеральный прокурор впервые сообщил ему, что его обвиняют в "поддержании телефонной связи с оппозицией за рубежом" и в "сокрытии этого факта от властей". 15 декабря 2001 года, когда он должен был быть доставлен в военный суд, он впервые за 11 лет смог поговорить с женой, которой в качестве исключения было позволено судьей побеседовать с ним в течение четверти часа до начала заседания.

2.4 На заседании военного суда 1 января 2002 года он был приговорен в общей сложности к 13 годам тюремного заключения, включая десять лет за "недонесение" и три года – за "хранение взрывчатых веществ", причем последнее обвинение впервые было предъявлено ему в момент зачитывания приговора.

2.5 13 мая 2002 года, по ходатайству военного прокурора, апелляционный суд (Высокий суд вооруженного народа) отменил первое решение и передал дело в другой военный суд. 29 сентября 2002 года этот суд подтвердил решение суда первой инстанции. Вопреки их просьбам, членам семьи автора не были предоставлены тексты вышеупомянутых решений или их копий, за исключением копии решения от 13 мая 2002 года.

2.6 19 апреля 2003 года истек полный срок тюремного заключения, к которому был приговорен отец автора. Однако он не был освобожден и после этой даты продолжал оставаться в этой же тюрьме и в тех же условиях, хотя его семья ожидала его освобождения. В 2005 году его семья подала ходатайство о его освобождении в Народный суд, который отклонил его на том основании, что военный прокурор не признал факт содержания данного лица в тюрьме "Абу Салим".

2.7 Заручившись у нескольких освобожденных заключенных подтверждением того, что г-н эль-Абани все еще содержится в тюрьме, его семья назначила двух адвокатов для подачи жалобы на тюремную администрацию. Адвокаты разъяснили его жене, что возбудить дело по уголовному обвинению государственных должностных лиц или сотрудников служб безопасности в похищении или похищении с целью выкупа невозможно, и заявили, что они лишь попытаются в порядке гражданского разбирательства выяснить, действительно ли г-н эль-Абани до сих пор содержится в тюрьме "Абу Салим". Соответственно г-жа эль-Абани просила назначить эксперта для установления факта пребывания ее мужа в тюрьме. В сентябре 2006 года тюремная администрация отказала в доступе в тюрьму назначенному судом эксперту. Семья г-на эль-Абани продолжала получать информацию о том, что он все еще содержится в той же тюрьме вплоть до начала января 2007 года. В этом месяце они узнали, что он был вывезен из тюрьмы сотрудниками службы внутренней безопасности.

2.8 5 апреля 2007 года председатель Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям обратился к властям государства-участника в соответствии с процедурой незамедлительных действий¹.

2.9 Г-н Оунис эль-Абани был освобожден властями государства-участника 9 апреля 2008 года, через 18 лет после его ареста.

¹ См. доклад Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям (А/НRC/7/2), пункт 201.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что его отец является жертвой нарушения пункта 3 статьи 2 Пакта. Он утверждает, что как жертва насильственного исчезновения он был фактически лишен возможности осуществления своего права на обжалование с целью оспаривания законности решения о его задержании. Поскольку он содержался в строгой изоляции без связи с внешним миром, то он физически не мог подать жалобу в суд. Не принесли результатов и все меры, которые принимали члены его семьи. Автор утверждает, что государство-участник не выполнило свое обязательство по проведению тщательного расследования обстоятельств исчезновения его отца, а также по обеспечению уголовного преследования лиц, которых оно считает виновными², и тем самым нарушило пункт 3 статьи 2 Пакта.

3.2 Автор также утверждает, что его отец являлся жертвой насильственного исчезновения в период между моментом его ареста в 1990 году и тем временем, когда его семья впервые получила известие о нем в 2001 году, т.е. в течение 11 лет, а затем снова с того момента, когда власти отказались признать, что он все еще содержится в заключении после истечения срока его тюремного заключения в 2003 году и до его освобождения в апреле 2008 года. Он считает, что такое насильственное исчезновение создало серьезную угрозу праву его отца на жизнь. По его мнению, хотя государство-участник было официально поставлено в известность об исчезновении его отца в многочисленных ходатайствах, никаких последующих мер принято не было; его семья продолжала пребывать в полном неведении о его судьбе почти 12 лет, а затем еще в течение нескольких лет до его освобождения. Ссылаясь на замечание Комитета общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь, автор утверждает, что серьезная угроза праву отца на жизнь, возникшая в результате его насильственного исчезновения, представляет собой нарушение государством-участником пункта 1 статьи 6 Пакта.

3.3 Автор далее утверждает, что насильственное исчезновение его отца также представляет собой одну из форм бесчеловечного или унижающего достоинство обращения³ в нарушение статьи 7 Пакта. Он также заявляет, что его отца подвергали физическим и психологическим пыткам в первые три месяца содержания в изоляции в помещениях службы внутренней безопасности. Автор утверждает, что исчезновение его отца стало страшным и мучительным испытанием для его семьи, поскольку она не обладала никакой информацией о его судьбе в течение первых 11 лет тюремного заключения, а затем вновь оказалась в таком же положении после истечения срока его приговора и до его освобождения в 2008 году. В течение почти 12 лет неопределенность стала источником глубоких постоянных переживаний для жены г-на эль-Абани и его детей, которые также считали себя жертвами нарушения государством-участником статьи 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта⁴.

² Автор ссылается на сообщение № 612/1995, *Висенте и другие против Колумбии*, Соображения, принятые 29 июля 1997 года, пункт 8.8.

³ Автор ссылается на сообщения № 449/1991, *Мохика против Доминиканской Республики*, Соображения, принятые 15 июля 1994 года; № 540/1993, *Селис Лауреано против Перу*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года; и № 542/1993, *Чишимби против Заира*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года.

⁴ Автор ссылается на сообщение № 107/1981, *Альмейда де Кинтерос против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года.

3.4 Автор утверждает, что арест его отца 19 апреля 1990 года сотрудниками службы внутренней безопасности без предъявления ордера на арест и без объяснения юридических оснований для его ареста был произведен в условиях полного игнорирования гарантий, закрепленных в пунктах 1 и 2 статьи 9 Пакта. Он считает, что содержание его отца в изоляции без связи с внешним миром до предъявления ему официального обвинения 19 апреля 2001 года также является нарушением пункта 1 статьи 9. Он предстал перед судьей лишь спустя 11 лет после своего ареста, что является грубым нарушением права быть в срочном порядке доставленным к судье или другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, которая гарантируется пунктом 3 статьи 9. К тому же по смыслу статьи 9 Пакта⁵ произвольный характер носит и непризнание факта его содержания под стражей и дальнейшее содержание его властями в изоляции и сокрытие его судьбы от членов его семьи после истечения срока исполнения его приговора в 2003 году и до его освобождения в апреле 2008 года.

3.5 По мнению автора, содержание его отца в изоляции без связи с внешним миром в течение почти 12 лет и применение к нему пыток означает, что обращение с ним не носило гуманный характер и не предполагало уважения врожденного достоинства человеческой личности. Поэтому он утверждает, что его отец стал жертвой нарушения государством-участником пункта 1 статьи 10 Пакта.

3.6 По поводу статьи 14 автор отмечает, что его отец был доставлен в военный суд через 11 лет после его ареста и был приговорен на закрытом заседании суда к 13 годам тюремного заключения. Ему ни разу не предоставили доступ к его уголовному делу, и военным судом был назначен адвокат для оказания ему помощи. Он добавляет, что его семья ничего не знала об этой процедуре до принятия решения военным судом. Автор утверждает, что сам факт доставления его отца в суд через 11 лет после ареста представляет собой особо серьезное нарушение его права на судебное разбирательство без необоснованных задержек. По его мнению, тот факт, что его отец не имел возможности выбрать своего собственного адвоката, противоречит принципу свободного выбора адвоката.

3.7 Автор также утверждает, что придание его отца военному суду, несмотря на то, что он являлся гражданским лицом, выполнявшим функции судьи по гражданским делам в суде Бенгази первой инстанции, означает, что военный суд был некомпетентен судить его или выносить ему приговор и не может считаться беспристрастным или независимым, поскольку в его состав входят военные судьи, действующие под руководством министра обороны. Автор утверждает, что государство-участник не может привести какие-либо причины, по которым его отец был судим и осужден военным судом, равно как и не может оно доказать, каким образом военный суд в Триполи мог обеспечить всеобъем-

⁵ Автор ссылается на дела *Висенте и другие против Колумбии* (сноска 2 выше); *Чишимби против Заира* (сноска 3 выше); *Селис Лауреано против Перу* (сноска 3 выше); сообщения 563/1993, *Баутиста де Ареллана против Колумбии*, Соображения, принятые 27 октября 1995 года; № 181/1984, *Аревало против Колумбии*, Соображения, принятые 3 ноября 1989 года; № 139/1983, *Контерис против Уругвая*, Соображения, принятые 17 июля 1985 года; № 8/1977, *Вайсманн Ланца и Ланца Пердомо против Уругвая*, Соображения, принятые 3 апреля 1980 года; и № 56/1979, *Касарьего против Уругвая*, Соображения, принятые 29 июля 1981 года.

лющую защиту его прав как обвиняемого⁶. С учетом этих обстоятельств он считает, что его отец является также жертвой нарушения государством-участником статьи 14 Пакта.

3.8 Автор далее утверждает, что в качестве жертвы насильственного исчезновения его отец был лишен возможности на осуществление права быть признанным в качестве субъекта прав и обязательств, т.е., иными словами, заслуживающего уважения человеческого существа. Он добавляет, что как жертва насильственного исчезновения он был лишен защиты закона и ему было отказано в праве на признание его правосубъектности, что представляет собой нарушение государством-участником статьи 16 Пакта⁷.

3.9 По вопросу об исчерпании внутренних средств правовой защиты автор утверждает, что его семья обращалась в различные государственные ведомства, в частности в Министерство юстиции, начиная со следующего дня после ареста его отца. Члены семьи также обращались к его бывшим коллегам, судьям и сотрудникам прокуратуры Бенгази, но, неоднократно столкнувшись с отказом в рассмотрении их заявлений, вскоре поняли, что никакие юридические инстанции не готовы предпринять какие-либо шаги в интересах освобождения жертвы. Ни один из адвокатов, которые входили в коллегия адвокатов Бенгази или Триполи и к которым члены семьи обращались с просьбой о возбуждении дела из боязни репрессий, не проявил готовность к подаче жалобы на судебные власти или службы безопасности. К тому же поданное в Народный суд ходатайство об освобождении было отклонено судьей на том основании, что военный прокурор не признал факт содержания отца автора в тюрьме "Абу Салим". Рассмотрение дела в порядке гражданского судопроизводства с целью возможного назначения эксперта для установления факта нахождения отца автора в тюрьме также столкнулось с трудностями (см. пункт 2.7 выше). Автор утверждает, что в этих условиях внутренние средства правовой защиты совершенно очевидно являются недоступными и неэффективными, и считает, что соответственно он более не обязан добиваться в судебном порядке рассмотрения дела на внутреннем уровне для обеспечения того, чтобы Комитет признал его сообщение приемлемым.

Отказ государства-участника от сотрудничества

4. 15 сентября 2008 года, 20 января 2009 года и 24 июля 2009 года государству-участнику было предложено представить информацию по вопросам приемлемости и существа сообщения. Комитет отмечает, что эта информация до сих пор не получена. Он сожалеет, что государство-участник не представило никакой информации в отношении утверждений автора о приемлемости и/или существе утверждений автора. Он напоминает, что в соответствии с Факультативным протоколом затрагиваемое государство-участник представляет Комитету письменные объяснения и заявления, разъясняющие этот вопрос, и любые меры, если таковые имели место, которые могли быть приняты этим государством. При отсутствии ответа со стороны государства-участника должно значе-

⁶ Автор ссылается на замечания Комитета общего порядка № 13 (1984), отправленные правосудия.

⁷ Автор ссылается в данном случае на сообщение № 1327/2004, *Гриуа против Алжира*, Сообщения, принятые 10 июля 2007 года.

ние будет придаваться утверждениям автора с учетом степени их обоснованности⁸.

Дополнительное представление автором

5. 28 мая 2010 года автор через своего адвоката сообщил Комитету, что 9 апреля 2008 года власти государства-участника освободили его отца. Автор добавил, что его отец выразил надежду на то, что Комитет продолжит разбирательство по его делу. В этом же представлении автор отметил, что в этой связи утратили силу его просьбы, с которыми он обратился к Комитету в своем первоначальном сообщении от 15 октября 2007 года в отношении рекомендации Комитета, согласно которой государство-участник обязано было проинформировать его о судьбе его отца, незамедлительно освободить его и разрешить ему общаться с членами семьи. Тем не менее автор заявил, что хотел бы полностью сохранить в силе остальную часть сообщения.

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Перед рассмотрением любых жалоб, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры определить, является или нет данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола к Пакту Комитет должен установить, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Комитет принимает к сведению, что настоящее дело было представлено Рабочей группе Организации Объединенных Наций по насильственным или недобровольным исчезновениям в 2007 году. Однако он отмечает, что внедоговорные процедуры и механизмы, которые создаются Комиссией по правам человека или Экономическим и Социальным Советом и в мандатах которых предусматривается изучение положения в области прав человека в конкретных странах или территориях или серьезных случаев нарушений прав человека во всем мире и подготовка передаваемых гласности докладов на основе полученных результатов, не представляет собой процедуры международного разбирательства или урегулирования по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола⁹. В этой связи Комитет считает, что в соответствии с этим положением представление дела г-на эль-Абани не становится неприемлемым из-за его представления Рабочей группе по насильственным или недобровольным исчезновениям.

6.3 В связи с вопросом исчерпания внутренних средств правовой защиты Комитет вновь выражает озабоченность тем, что, вопреки направленным государству-участнику трем напоминаниям, от него не получено никакой информации или комментариев относительно приемлемости или существа сообщения.

⁸ См. сообщения № 1422/2005, *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, Сообщения, принятые 24 октября 2007 года, пункт 4; № 1295/2004, *Эль-Альвани против Ливийской Арабской Джамахирии*, Сообщения, принятые 11 июля 2007 года, пункт 4; № 1208/2003, *Курбонов против Таджикистана*, Сообщения, принятые 16 марта 2006 года, пункт 4; и № 760/1997, *Диергаардт и другие против Намибии*, Сообщения, принятые 25 июля 2000 года, пункт 10.2.

⁹ *Селис Лауреано против Перу* (см. сноску 3 выше), пункт 7.1.

В этих условиях Комитет считает для себя возможным рассматривать сообщение в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Комитет не видит причины считать это сообщение неприемлемым и соответственно переходит к его рассмотрению по существу в отношении жалоб по пункту 3 статьи 2; пункту 1 статьи 6; статьи 7; пунктам 1–4 статьи 9; пункту 1 статьи 10; пункту 1 и пунктам 3 a)–d) статьи 14; а также статьи 16. Он также отмечает возможность возникновения вопросов в связи со статьей 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2, в отношении автора, его матери и его братьев и сестер (т.е. в отношении супруги и детей жертвы).

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассматривает настоящее сообщение в свете всей предоставленной ему информации согласно пункту 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 В связи с предполагаемым содержанием отца автора в строгой изоляции Комитет признает мучительные страдания, связанные с нахождением в течение неопределенного времени без связи с внешним миром. Он ссылается на свое замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, в котором Комитет рекомендует государствам-участникам принимать меры в целях запрещения содержания под стражей без права переписки и общения. Он отмечает, что после его ареста 19 апреля 1990 года отец автора содержался в одиночке в тюрьме "Абу Салим" практически без перерывов¹⁰ до 15 декабря 2001 года, когда он был доставлен к военному судебному следователю и ему впервые за все время пребывания в "Абу Салим" была предоставлена возможность увидеться с женой. Кроме того, хотя срок тюремного заключения отца автора истек 19 апреля 2003 года, он по-прежнему содержался в заключении в этой же тюрьме, поскольку военный прокурор не признал факт его пребывания в ней.

7.3 Комитет напоминает определение насильственного исчезновения, содержащееся в статье 2 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 года, согласно которому: "Для целей настоящей Конвенции насильственным исчезновением считается арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытия данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона"¹¹. Любой акт, ведущий к подобному исчезновению, представляет собой нарушение многих прав, провозглашенных в Пакте, включая право на признание правосубъектности каждого человека, где бы он ни находился (статья 16), право на свободу и личную неприкосновенность (статья 9), право не подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию (статья 7) и права всех лиц, лишенных свободы, на гуман-

¹⁰ Автор упоминает, что его отец был на короткое время переведен в общую камеру в 1996 году, но однако при этом не уточняет продолжительность его нахождения в ней.

¹¹ Резолюция 61/177 Генеральной Ассамблеи, приложение. См. также Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года, пункт 2 i) статьи 7, United Nations, *Treaty Series*, vol. 2187, No. 38544, p. 689; Межамериканская конвенция о насильственных исчезновениях лиц от 9 июня 1994 года, статья 2, Организация американских государств, А-60; Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений от 18 декабря 1992 года, резолюция 47/133 Генеральной Ассамблеи.

ное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности (статья 10). Он может также представлять собой нарушение или серьезную угрозу праву на жизнь (статья 6)¹².

7.4 Комитет отмечает, что государство-участник не представило ответа на утверждения автора в отношении насильственного исчезновения его отца и на утверждения о том, что он подвергался пыткам в первые три месяца содержания без связи с внешним миром. Он подтверждает, что бремя доказывания не лежит исключительно на авторе сообщения, тем более что автор и государство-участник не всегда имеют одинаковый доступ к элементам доказательств и что зачастую лишь государство располагает необходимыми сведениями¹³. Из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола косвенно вытекает, что государство-участник обязано проводить добросовестное расследование всех сделанных против него и его представителей утверждений о нарушении Пакта и передать Комитету имеющиеся у него сведения. В случае, когда утверждения подтверждаются достоверными доказательствами, представленными автором, и когда любое дополнительное прояснение обстоятельств зависит от сведений, которыми располагает исключительно государство-участник, Комитет может считать утверждения автора обоснованными, если только государство-участник не представит удовлетворительных доказательств или пояснений об обратном. Если в этой связи государство-участник не представляет никаких пояснений, то утверждения автора следует считать достаточно весомыми. На основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет пришел к выводу, что применение пыток к отцу автора, содержание его в заключении в общей сложности почти 18 лет и недопущение его контактов со своей семьей и внешним миром представляют собой нарушение статьи 7 Пакта по отношению к г-ну эль-Абани¹⁴.

7.5 Что касается самого автора и остальных членов его семьи, то Комитет принимает к сведению страдания и душевную боль, причиняемые им исчезновением их отца со времени его ареста в апреле 1990 года и до декабря 2001 года, когда г-же Абани удалось поговорить со своим мужем. После того как полностью истек срок тюремного заключения г-на эль-Абани, его семья оставалась в полном неведении относительно его судьбы и не могла добиться подтверждения того, что он содержался в тюрьме "Абу Салим" до его освобождения в апреле 2008 года. Поэтому Комитет считает, что представленные ему факты сви-

¹² Сообщения № 1328/2004, *Кимуше против Алжира*, соображения, принятые 10 июля 2007 года, пункт 7.2; № 1295/2004, *Эль-Альвани против Ливийской Арабской Джамахирии*, соображения, принятые 11 июля 2006 года, пункт 6.2; № 992/2001, *Бусруаль против Алжира*, соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 9.2; и № 950/2000, *Сарма против Шри-Ланки*, соображения, принятые 31 июля 2003 года, пункт 9.3. См. также Декларацию о защите всех лиц от насильственных исчезновений, пункт 2, статья 1.

¹³ См. *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии* (см. сноску 8 выше), пункт 6.7; *Контрерис против Уругвая* (см. сноску 5 выше), пункт 7.2; и сообщение № 1297/2004, *Меджнун против Алжира*, соображения, принятые 14 июля 2006 года, пункт 8.3.

¹⁴ См. *Эль-Альвани против Ливийской Арабской Джамахирии* (см. сноску 12 выше), пункт 6.5; *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии* (см. сноску 8 выше), пункт 6.2; *Селис Лауреано против Перу* (см. сноску 3 выше), пункт 8.5; и сообщение № 458/1991, *Муконг против Камеруна*, соображения, принятые 21 июля 1994 года, пункт 9.4.

детельствуют о нарушении статьи 7 Пакта, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2, применительно к матери автора и его братьям и сестрам¹⁵.

7.6 Что касается жалобы на нарушение статьи 9, то из представленной Комитету информации следует, что отец автора был арестован представителями государства-участника без соответствующего ордера, после чего он содержался в заключении без связи с внешним миром и без доступа к адвокату, и ему не сообщили причины его ареста или предъявляемые ему обвинения вплоть до предъявления ему обвинений военным генеральным прокурором 19 апреля 2001 года, т.е. спустя 11 лет после ареста. Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 4 статьи 9 при рассмотрении в суде вопроса о законности задержания должна предусматриваться возможность вынесения постановления об освобождении задержанного/задержанной, если его/ее задержание признается несовместимым с положениями Пакта, в частности с положениями пункта 1 статьи 9. В рассматриваемом нами деле отец автора находился в заключении до того, как он был доставлен к судье в 2001 году. Хотя к апрелю 2003 года полностью истек срок назначенного ему тюремного заключения, его освободили лишь в апреле 2008 года. Отец автора ни разу не имел возможности оспорить законность своего задержания. С учетом отсутствия каких-либо пояснений со стороны государства-участника Комитет считает, что имеет место нарушение статьи 9 Пакта¹⁶.

7.7 По поводу жалобы автора в соответствии с пунктом 1 статьи 10 на то, что в течение начального 12-летнего периода его отца содержали без связи с внешним миром и подвергали пыткам, Комитет подчеркивает, что лишенные свободы лица не должны испытывать иных лишений или тягот, помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и что обращение с ними должно быть гуманным и обеспечивать уважение их достоинства. Поскольку государство-участник не представило информации относительно обращения с отцом автора в тюрьме "Абу Салим", Комитет приходит к заключению, что имело место нарушение его прав по пункту 1 статьи 10¹⁷.

7.8 По поводу заявлений автора в связи со статьей 14 Комитет отмечает, что суд над отцом автора состоялся через 11 лет после его ареста и что на закрытом заседании суда он был приговорен к 13 годам тюремного заключения. Ему ни разу не была предоставлена возможность ознакомиться со своим уголовным делом либо встретиться с адвокатом, который был назначен военным судом для оказания ему помощи. Комитет также обращает внимание на то, что дело г-на эль-Абани рассматривал военный суд, хотя он являлся гражданским лицом, работавшим судьей по гражданским делам в суде первой инстанции в Бенгази. Комитет напоминает свое замечание общего порядка № 32 (2007), в котором он указывает, что, хотя в Пакте и не запрещено разбирательство дел гражданских лиц в военных и специальных судах, тем не менее такие судебные разбирательства должны быть исключительными по своему характеру и проходить в условиях, которые действительно полностью обеспечивают предусмотренные в статье 14 гарантии. Государство-участник, которое допускает разбирательство дел

¹⁵ См. *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии* (см. сноску 8 выше), пункт 6.11; сообщение № 107/1981, *Квинтерос против Уругвая*, соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 14; и *Сарма против Шри-Ланки* (см. сноску 12 выше), пункт 9.5.

¹⁶ См. *Меджнун против Алжира* (см. сноску 13 выше), пункт 8.5.

¹⁷ См. замечание общего порядка № 21 (1992) о гуманном обращении с лицами, лишенными свободы, пункт 3; сообщение № 1134/2002, *Горджи-Динка против Камеруна*, соображения, принятые 17 марта 2005 года, пункт 5.2; и *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии* (см. сноску 8 выше), пункт 6.4.

гражданских лиц военными судами, обязано обосновать такую практику. По мнению Комитета, государство-участник должно доказать применительно к конкретной категории лиц, о которых идет речь, что обычные гражданские суды не в состоянии принять их дела к рассмотрению, что другие, альтернативные категории гражданских судов, такие, как специальные суды или суды по особо важным делам, не подходят для этой задачи и что при передаче дел в военные трибуналы полностью гарантируется защита прав обвиняемых в соответствии со статьей 14¹⁸. В данном случае государство-участник не объяснило причину передачи дела в военный суд. Поэтому Комитет считает, что суд и проведение процесса в военном суде, который приговорил отца автора к 13 годам тюремного заключения, является нарушением пункта 1 и подпунктов а)-d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

7.9 В связи с жалобой на нарушение статьи 16 Комитет вновь обращает внимание на сложившуюся судебную практику, в соответствии с которой умышленное укрытие какого-либо лица от защиты закона в течение длительного времени, может означать отказ в признании правосубъектности данного лица, если жертва во время своего последнего появления находилось в руках представителей государства и если систематически чинятся препятствия усилиям ее близких получить доступ к потенциально эффективным средствам правовой защиты, включая суды¹⁹. В данном случае автор утверждает, что его отец был арестован 19 апреля 1990 года без предъявления ордера на арест и без разъяснения юридических оснований его ареста. Затем его вывезли в неизвестное место, где подвергали актам пытки, после чего перевезли в тюрьму "Абу-Салим". Все принимавшиеся членами семьи меры были безрезультатны до 2002 года, когда ему были предъявлены официальные обвинения, над ним состоялся суд и он был осужден. Комитет также отмечает, что отец автора вновь исчез по истечении полного срока его тюремного заключения. Власти государства-участника опровергают, что он находился в тюрьме "Абу-Салим", но, однако, не предприняли никакого расследования в целях установления его судьбы и его освобождения. По мнению Комитета, насильственное исчезновение отца автора на протяжении почти 12 лет без проведения какого-либо расследования лишило на этот период отца автора защиты закона в нарушение статьи 16 Пакта.

7.10 Автор ссылается на пункт 3 статьи 2 Пакта, обязывающий государства-участники обеспечивать любому лицу доступные, эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты для отстаивания прав, закрепленных в Пакте. Комитет считает важным создание государствами-участниками соответствующих судебных и административных механизмов в рамках внутреннего законодательства для рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения прав. Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государство – участник Пакта, в котором указывается, что отказ государства-участника от проведения расследования предполагаемых нарушений сам по себе может стать причиной отдельного нарушения Пакта²⁰. В настоящем случае имеющаяся в распоряжении Комитета информация говорит о том, что отец автора не имел доступа к эффективным средствам правовой защиты, и в этой связи Комитет приходит к

¹⁸ См. сообщение № 1173/2003, *Бенхадж против Алжира*, соображения, принятые 20 июля 2007 года, пункт 8.8.

¹⁹ *Гриуа против Алжира* (см. сноску 7 выше), пункт 7.8; и сообщение № 1495/2006, *Зохра Мадуи против Алжира*, соображения, принятые 28 октября 2008 года, пункт 7.7.

²⁰ См. пункты 15 и 18.

заклучению, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 7²¹.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушениях государством-участником пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности с пунктом 1 статьи 6, и отдельно статьи 7, статьи 9, пункта 1 статьи 10, пунктов 1-3 а)-d) статьи 14; и статьи 16 Пакта в отношении отца автора. В соответствии с фактами имело также место нарушение статьи 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2, в отношении автора, его матери, его братьев и сестер.

9. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективные средства правовой защиты, включая проведение тщательного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения отца автора, надлежащее информирование о результатах проведенных им расследований и выплату адекватной компенсации отцу автора, а также его матери и его братьям и сестрам за нарушения, жертвами которых они стали. Комитет считает, что долгом государства-участника является проведение тщательных расследований предполагаемых нарушений прав человека, особенно случаев насильственного исчезновения и актов пыток, а также обеспечение уголовного преследования, привлечения к суду и наказания лиц, ответственных за такие нарушения²². Государство-участник также обязано принять меры по недопущению в будущем аналогичных нарушений.

10. Учитывая, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта оно обязано гарантировать всем лицам, находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией, признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых во исполнение сформулированных Комитетом соображений. Государству-участнику также предлагается опубликовать соображения Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является французский. Впоследствии будет издано на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

²¹ См. *эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии* (см. сноску 8 выше), пункт 6.9; и сообщение №1196/2003, *Бушерф против Алжира*, соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 9.9.

²² См. *эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии* (см. сноску 8 выше), пункт 8; *Бушерф против Алжира* (см. сноску 21 выше), пункт 11; и *Меджнун против Алжира* (см. сноску 13 выше), пункт 10.

Добавление

Особое мнение члена Комитета г-на Абдельфаттаха Амора

Настоящее мнение ограничивается определенными правовыми аспектами, связанными с приемлемостью сообщения.

Настоящее сообщение было представлено г-ном Абдельхакимом Оунисом эль-Абани (эль-Уэрфели) от его собственного имени и от имени его отца, г-на Оуниса Шарефа эль-Абани (эль-Уэрфели), который находился в тюрьме и не имел контакта с семьей во время представления сообщения, т.е. 15 октября 2007 года, и который был освобожден 9 апреля 2008 года. Настоящее сообщение было также представлено от имени матери автора, его семи братьев и сестер.

В разбираемом случае *locus standi* сына как жертвы не является бесспорным как ни на момент представления сообщения, для чего он должным образом уполномочил своего адвоката, так и после освобождения его отца.

Locus standi отца как жертвы также не подлежит сомнению. Оно являлось таковым при нахождении его в заключении и после его освобождения, поскольку он выразил надежду на продолжение разбирательств по его делу в Комитете.

Однако вопрос о приемлемости сообщения возникает в отношении его матери, двух сестер и пяти братьев. Я считаю, что Комитет должен был следовало признать сообщение неприемлемым в отношении этих лиц по двум причинам. Первая касается анонимности сообщения, а вторая – отсутствия доверенности.

Относительно первой из упомянутых причин в статье 3 Факультативного протокола указывается: "Комитет может признать неприемлемым любое... сообщение, которое является анонимным". Правило 96 а) правил процедуры содержит аналогичное положение. Автор утверждает, что действует от имени своих братьев и сестер, фамилии, имена и возраст которых не указываются в интересах их защиты. Таким образом, он предпочел не раскрывать имена своей матери, братьев и сестер, что превращает их в анонимов и может создать проблемы в отношении их правоспособности и, как следствие, в отношении правил их представления в ходе судебных разбирательств. Комитету следовало принять во внимание очевидное различие между анонимностью и конфиденциальностью. Разумеется, анонимность делает сообщение неприемлемым. Конфиденциальность же в отношении фамилий, имен, возраста и других личных данных вполне допустима и нередко соблюдалась в Комитете в соответствии с пунктом 4 правила 102 его правил процедуры. В нем, в частности, говорится: "После принятия решения о конфиденциальности согласно пункту 3 выше Комитет, рабочая группа, учреждаемая согласно пункту 1 правила 95, или специальный докладчик, назначаемый согласно пункту 3 правила 95, может принять решение, что все или часть представлений и иных сведений, таких как личность автора, могут оставаться конфиденциальными после принятия Комитетом решения о неприемлемости по существу или о прекращении рассмотрения".

В этой связи представляется, что Комитет не придал значения требованию о неанонимности, изложенному в статье 3 Факультативного протокола, и не считал целесообразным предложить автору представить необходимую информацию, опираясь при этом на правила о конфиденциальности.

Не принял Комитет и мер по обеспечению соблюдения правил представительства. Пункт b) правила 96 правил процедуры предписывает: "Как правило, сообщение должно представляться самим лицом или его представителем; однако сообщение, представляемое от имени предположительного потерпевшего, может быть принято, когда, как представляется, соответствующее лицо не в состоянии само представить сообщение".

Был ли автор уполномочен действовать от имени своей матери и своих братьев и сестер, которые, вероятно, были совершеннолетними и, видимо, правоспособными. Обладает ли он полномочиями представлять своих братьев и сестер по юридическим вопросам, если они являются несовершеннолетними? В материалах дела не содержится доверенности или иного разрешения на действия в качестве представителя. Не содержится в них и каких-либо пояснений относительно того, что лицо "не в состоянии само представить сообщение", как об этом говорится в пункте b) правила 96 правил процедуры. Адвокат автора указал в письме, направленном за день до рассмотрения Комитетом сообщения, что ему не удалось получить доверенность у семи братьев и сестер автора, частично из-за их боязни со стороны властей. Этим объясняется "причина, по которой в интересах их защиты он [автор] не хотел, чтобы их фамилии и имена упоминались при разбирательстве дела". Далее адвокат отметил, что "большинство из тех, с кем мы имеем дело, справедливо либо ошибочно считали, что находятся под наблюдением полиции и что их телефонные разговоры прослушиваются, а электронная почта просматривается". Иными словами, эти причины напрямую не связаны с требованиями пункта b) правила 96 правил процедуры, но они относятся, скорее, к метаправу, нежели собственно к праву. Возможно, именно из-за того, что он понимает непрочность представленных разъяснений, адвокат соглашается с тем, что "сообщение может рассматриваться от имени только автора и отца как жертвы".

Тем не менее Комитет признал, что сообщение является также приемлемым и в отношении матери, а также братьев и сестер. С юридической точки зрения это спорная позиция, с которой я не могу согласиться. Особенно с учетом того, что это может спровоцировать дальнейшее сползание в сторону *actio popularis*, которые не признаются Факультативным протоколом.

(подпись) Абдельфаттах Амор

[Принято на английском, испанском и французском языках, при чем языком оригинала является французский. Впоследствии будет издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

Особое индивидуальное мнение члена Комитета г-на Фабиана Омара Сальвиоли

1. Проголосовав "за", я выразил согласие с заключениями Комитета, изложенными в сообщении № 1640/2007, которое было представлено г-ном Абдель-хакимом Оуисом эль-Абани и содержало жалобу на действия Ливийской Арабской Джамахирии. Тем не менее считаю своим долгом изложить свои взгляды по вопросу, по которому, к сожалению, они отличаются от мнений большинства членов Комитета. Речь идет о пределах военной юрисдикции в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах.

2. В пункте 7.8 постановления по сообщению № 1640/2007 указывается, что Комитет "... напоминает свое замечание общего порядка № 32 (2007), в котором он указывает, что, хотя в Пакте не запрещено разбирательство дел гражданских лиц в военных судах, тем не менее такие судебные разбирательства должны полностью быть исключительными по своему характеру и проходить в условиях, которые действительно обеспечивают предусмотренные в статье 14 гарантии. Государство-участник, которое допускает разбирательство дел гражданских лиц военными судами, обязано обосновать такую практику.

3. Я вынужден со всей определенностью заявить, что в этом моменте замечание общего порядка № 32 несостоятельно. В своем решении по делу *эль-Абани* Комитет упустил очевидную возможность заявить, что проведение разбирательств над гражданскими лицами в военных судах несовместимо со статьей 14 Пакта, и внести коррективы в этот устаревший аспект права в области прав человека.

4. Действительно, как указывает Комитет, "Пакт не запрещает разбирательство дел гражданских лиц в военных судах"; но означает ли это, что он разрешает такую практику? При внимательном прочтении статьи 14 становится ясно, что Пакт даже не содержит и намека на то, что военная юстиция может применяться к гражданским лицам. Статья 14, гарантирующая право на правосудие и соблюдение законности, не содержит не единой ссылки на военные суды. Государства в целом ряде случаев (и неизменно с негативными последствиями для прав человека) предоставляли военным судам полномочия на разбирательство гражданских лиц, однако в Пакте об этом не говорится ни слова.

5. При разработке своего замечания общего порядка № 32 Комитет, видимо, руководствовался совершенно противоположными соображениями: поскольку проведение разбирательств по делам гражданских лиц в военных судах является исключительным проявлением компетенции (судебное разбирательство по делам лиц, не являющихся военнослужащими, в сфере военной юрисдикции) и к тому же происходит в рамках исключительной юрисдикции (военная юстиция не входит в систему обычной юстиции), речь идет о дважды исключительном осуществлении компетенции, что, как таковое, должно было быть четко предусмотрено Пактом для обеспечения с ним соответствия, поскольку такая практика, безусловно, выводит гражданских лиц из сферы компетенции своих естественных гражданских судей.

6. Уместно напомнить, что исключения из правил и их ограничения (в данном случае ограничение права на разбирательство "естественным судьей" как части прав на правосудие и соблюдение законности) должны в свою очередь истолковываться ограничительно и не считаться без достаточных на то оснований соответствующими Пакту.

7. Было бы гораздо более целесообразно, если бы Комитет отметил, что Пакт не допускает проведение разбирательств по делам гражданских лиц военными судами, вместо того, чтобы довольно неубедительно заявлять, что Пакт не запрещает такие суды.

8. Идея (равно как роль Комитета) состоит не в том, чтобы истолковывать Пакт с учетом реальной практики государств, которая фактически является причиной доказанных случаев нарушения прав человека, а скорее в том, чтобы помочь государствам-участникам выполнять современные стандарты законности и, если это необходимо, со всей ясностью указать, какие именно изменения должны быть внесены во внутреннее законодательство для приведения его в соответствие с Пактом.

9. Военная юрисдикция с учетом трагических последствий ее применения во всем мире со времени окончания Второй мировой войны и по нынешний день во всех без исключения случаях означала усугубление безнаказанности военнослужащих, обвиняемых в серьезных массовых нарушениях прав человека. К тому же при применении системы военно-уголовного правосудия к гражданским лицам, обвинительные заключения, выносятся в результате разбирательств, для которых характерны всякого рода злоупотребления и при которых не только право на защиту становится химерой, но и большинство доказательств добывается с помощью пыток или жестокого или бесчеловечного обращения.

10. Пакт не запрещает военные суды, и их устранение не входит в намерение автора этого мнения. Юрисдикцию Военной системы уголовного правосудия следует ограничивать допустимыми пределами, чтобы она полностью соответствовала Пакту: *ratione personae*, военная юстиция должна применяться в отношении военнослужащих, состоящих на действительной военной службе, и никогда не должна распространяться на гражданских лиц или военнослужащих, вышедших в отставку; *ratione materiae*, военная юстиция должна обладать компетенцией для рассмотрения дел, связанных с дисциплинарными правонарушениями, а не с общеуголовными правонарушениями и уж, разумеется, не с нарушениями прав человека. Только при соблюдении этих условий военная юрисдикция будет совместима с положениями Пакта.

11. Замечание общего порядка № 32 является важным правовым документом, обосновывающим право человека на соблюдение законности, но в части, касающейся обсуждаемого в данном случае вопроса, оно несостоятельно. Со времени его принятия прошло три года, и Комитету пора принять меры для исправления представления о том, что дела гражданских лиц могут разбираться в военных судах; его нынешняя позиция совершенно не вписывается в современные стандарты международной защиты прав человека и не соответствует наиболее прогрессивной доктрине в этой области.

12. Комитету нет необходимости составлять новое замечание общего порядка, чтобы изменить положение к лучшему *pro homine* в данном конкретном аспекте, а следует всего лишь учитывать новые веяния в системе защиты прав человека. Индивидуальные сообщения в соответствии с Факультативным протоколом (когда рассматриваемые в Комитете дела аналогичны делу *эль-Абани*, в котором дело гражданского лица разбирается в военном суде), а также заключительные замечания по докладам государств по статье 40 Пакта, также предоставляют благоприятные возможности для выполнения этой важнейшей правовой функции и тем самым для содействия более полной реализации цели и объекта Пакта.

13. После такого совершенствования позиции государства-участники как члены международного сообщества в духе доброй воли скорректируют свое внутреннее законодательство, а военные суды, обладающие полномочиями на рассмотрение дел гражданских лиц, станут частью печального прошлого, столь счастливо оставшегося позади.

14. На протяжении всей своей истории Комитет вносил заметный вклад в международное право в области прав человека и служил источником вдохновения для других международных и региональных юрисдикций. Однако в вопросе, о котором говорится в этом мнении, Комитет движется в строго противоположном направлении.

15. Как явствует из тысяч дел и, к сожалению, вновь становится очевидным на примере дела *эль-Абани* вопрос об упразднении органов военной юстиции на ведение дел гражданских лиц все еще остается нерешенной проблемой, которая ждет ясного и должного ответа от Комитета по правам человека.

(подпись) Фабиан Омар Сальвиоли

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является испанский. Впоследствии будет издано на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]
